УДК 821.161.1(091) Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 1

Громова Алла Витальевна

Московский городской педагогический университет,
Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
gromovaav@mail.ru

Творчество Л. Ф. Зурова как явление неореализма (к вопросу о традициях Серебряного века в литературе русского зарубежья)

Для цитирования: Громова А. В. Творчество Л. Ф. Зурова как явление неореализма (к вопросу о традициях Серебряного века в литературе русского зарубежья) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 1. С. 31–40. https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.103

Статья посвящена рассмотрению наследия писателя-младоэмигранта Л. Ф. Зурова (1902–1971) в контексте традиций русского Серебряного века. Исследование велось на основе анализа повестей и романов «Кадет» (1928), «Древний путь» (1934), «Поле» (1939), «Иван-да-марья» (опубл. в 2005). Был сделан вывод, что в творчестве писателя присутствуют черты эстетики неореализма. Это проявилось в сфере художественного мировидения и стиля: синтезу «бытийно-бытового» соответствовало сочетание изобразительных и выразительных стилистических средств. В произведениях Зурова изображаются социально конкретные факты (события Первой мировой и Гражданской войн), при этом бытийные проблемы преобладают над бытовыми. Для его модели мира характерен космизм, утверждение единства природной и социальной жизни, вера в целесообразность бытия. В сфере стиля также наблюдаются процессы, типичные для неореализма: лиризация повествования, ослабление фабульных связей, размывание жанровых границ. Образы в творчестве Зурова тяготеют к символизации (например, растительная и цветовая символика), создаются сквозные образы-мифологемы: древний путь, поле, земля, солнце, воды, человек-растение. Так, заглавия двух романов писателя — «Древний путь» и «Поле» — представляют собой мифологемы, отразившие историософскую концепцию Зурова, утверждавшего, что северо-западная окраина России (малая родина писателя) издревле была заселена славянами. Мифологема поля в произведениях Зурова наделяется значениями, восходящими к фольклорной, древнерусской и литературной традициям. Это пустое и опасное пространство («Древний путь»), вспаханная и засеянная нива («Поле»), место битвы («Иван-да-марья»), родная земля (русское поле, русский простор). Растительная символика связана с соотнесением человека и растения: например, убитый воин на поле брани сравнивается со срезанным колосом. Цветовая символика синего и золотого в повести «Иван-да-марья» восходит одновременно к русскому фольклору, древнерусской иконописи и эстетике младосимволизма. Указанные черты свидетельствуют об обогащении традиционного реализма средствами новой модернистской эстетики.

Ключевые слова: Л. Ф. Зуров, русское зарубежье, традиции Серебряного века, неореализм, русская литература.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Вступление

Наследие Л. Ф. Зурова, принадлежавшего к поколению младоэмигрантов, стало изучаться позже, нежели творчество его сверстников: В. В. Набокова, Г. И. Газданова, Б. Ю. Поплавского. Лишь с конца 1990-х годов появились публикации произведений Зурова и посвященные ему научные работы И. З. Белобровцевой, А. В. Громовой, В. Т. Захаровой, А. Г. Разумовской и др.

Критика эмиграции, высоко оценивая произведения писателя, относила его к «школе Бунина» [Струве 1996, с. 204], считая наследником «старого реализма», для которого характерна сугубая изобразительность: «тщательно выписанный пейзаж, стремление к сухому объективизму, любовь к зрительным и чувственным впечатлениям» [Слоним 2002, с. 109].

Анализируя творчество Зурова в обратной историко-литературной перспективе, представляется возможным рассмотреть его в рамках «нового реализма» — течения, оформившегося в русской литературе в эпоху Серебряного века и отразившего процесс взаимодействия реалистической и модернистской эстетики. Такой подход уже предпринимался в работах В. Т. Захаровой, сосредоточившей свое внимание на сюжетообразующей функции лиризма и онтологическом содержании произведений писателя [Захарова 2012].

Новый реализм (в современной литературоведческой терминологии — «неореализм») заявил о себе в русской литературе в середине 1900-х годов. К нему причисляли несхожих между собой писателей: И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева, С. Н. Сергеева-Ценского, Л. Н. Андреева, А. М. Ремизова и др.; о нем писали критики разных направлений: А. А. Блок, С. А. Венгеров, Л. Я. Гуревич, Р. И. Иванов-Разумник, Е. А. Колтоновская, Г. И. Чулков. Логическим итогом в осмыслении эстетических тенденций начала XX в. стала теория «синтетизма», сформулированная в 1920-е годы Е. И. Замятиным.

Подходы к научному изучению «нового реализма» наметились в 1970-е годы в трудах В. А. Келдыша, К. Д. Муратовой, Л. А. Иезуитовой, Л. А. Крутиковой и др. В 2000-е годы интерес к этому феномену актуализировался, что отразилось в появлении исследований, содержащих его разноречивые интерпретации [Абишева 2005; Келдыш 2001; Давыдова 2006]: неореализм трактуется как течение внутри реалистического направления [Келдыш 2001] или как «модернистское стилевое течение», в котором преобладают черты символизма [Давыдова 2006, с. 28]. Убедительной представляется позиция В. А. Келдыша, указавшего на базисное значение для неореализма реалистической традиции и определившего его главное качество как «особый синтез бытийного и социально-конкретного мировидения с возвышением первого над вторым, чему соответствовал и особый художественный синтез» [Келдыш 2001, с. 269].

Синтез в сфере мировидения и стиля наблюдается и в художественном мире Зурова. Писателем создается особая модель мира, в которой истории отведено подчиненное место по сравнению с вечными законами бытия, а на уровне поэтики присутствуют характерные для неореализма тенденции: лиризация повествования, влияющая на жанровую форму произведений, символизация и мифопоэтическая образность.

Основная часть

Неореалистическая модель мира в творчестве Зурова

Преодолевая отвлеченные символистские концепции с их пренебрежением к земному миру, неореализм утверждал присутствие духа в самой плоти материи; представителям этого течения было присуще пантеистическое чувство природы, «ощущение причастности к единству мирового бытия во времени и пространстве» [Келдыш 2001, с. 283–284]. Л. А. Иезуитова отмечала, что многим художникам Серебряного века (Бунину, Андрееву, Зайцеву) «было свойственно чувство космизма», «способность чувствовать человека в качестве составной части потока — земного и вселенского» [Иезуитова 2010, с. 486].

Данное мироощущение характерно и для Зурова. Несмотря на то, что писатель изображал эпоху катастроф (события русской революции, Первой мировой и Гражданской войн), бытийное у него доминирует над социальным и исторически конкретным, а мир предстает как «великая гармоническая бездна» [Зуров 1983, с. 44]; пространство, время, природная и человеческая жизнь сливаются в одно целое, объединенное «общим дыханием великой земли» [Зуров 1983, с. 43].

В повести «Кадет», изображающей Ярославское вооруженное восстание, главному герою Мите Соломину казалось, что «всё было хорошо в этом мире» [Зуров 1999, с. 173]. И хотя сюжет наполнен трагическими событиями, авторская вера в конечную справедливость остается незыблемой. В романе «Древний путь» (1934), описывающем тревожные события на Псковщине зимой 1917–1918 гг., также присутствуют носители светлого взгляда на мир — автобиографический герой Сережа Львов и его бабушка Анастасия Михайловна. Гармоничная модель вселенской жизни отчетливее всего просматривается в романе «Поле». Здесь с первых строк задается мотив единства мира, в котором выделены традиционные для мифологического восприятия уровни: нижний (подземный), средний (земной) и верхний (небесный), объединенные образом хрущей: «…покрытые беловатым пушком хрущи выходили из теплой земли, прорезая ее, как острые травы, а потом раскрывали влажные крылья, и совершалось чудесное человеческих снов — они летели, стоя, как ангелы, вверх, на золотистую зарю…» [Зуров 1983, с. 7]. Сережа Львов, наблюдая за жизнью природы, видит: «Все сливалось в единый, радужный круг, в котором жило озерное дно и облака над вершинами бора» [Зуров 1983, с. 40]. Для пасечника Емельяна гармония природного мира является доказательством Божьего существования: «У Бога все сделано. <…> Умрет все осенью, все побелело, а стала весна, распрыснулась, запушилась верба, полетела пчела добывать. Все Божие производство. Умрешь — слава Богу. У Него всего полно» [Зуров 1983, с. 39].

Такую модель мира можно назвать «классической» [Лейдерман 1996], хотя она лишена ограничивающего антропоцентризма и отражает «космизм» мироощущения, свойственный культуре Серебряного века.

Неореалистическая стилистика прозы Зурова

Авторская модель мира создается при помощи художественных средств, также относящихся к арсеналу нового реализма.

В творчестве Зурова нашли отражение процессы жанровой динамики, происходившие в литературе Серебряного века: лиризация повествования, ослабление

фабульных связей и размывание жанровых границ, когда отдельные произведения предстают как «части обширного целого» [Келдыш 2001, с. 315]. Творчество Зурова представляется одним сверхтекстовым единством, скрепленным временем и / или местом действия (как правило, это Псковщина от начала Первой мировой до событий Гражданской войны), повторяющимися персонажами (Сережа Львов, Назимов, Лосев), сквозными образами-мифологемами (древний путь, поле, земля, солнце, во́ды, растительная и цветовая символика).

Символизация в прозе Зурова также является приметой эстетики нового реализма, для которого характерно «раздвижение эмпирических границ предметного образа» [Келдыш 2001, с. 317].

Архетипические образы отразили историософскую концепцию Зурова, ключевыми понятиями которой стали заглавия двух романов писателя — «Древний путь» и «Поле».

По мнению В. Т. Захаровой, древний путь — это авторская мифологема, не имеющая конкретно-топографической привязки, прочитывающаяся в контексте христианской культуры и выражающая идею «вечного пути скорбей человеческих» [Захарова 2012, с. 90]. Это высказывание нуждается в корректировке, так как данный образ отражает зуровское видение истории и раскрывается в контексте научных штудий писателя. В 1937 и 1938 гг. Зуров получил официальную миссию Министерства просвещения Франции и субсидии от Парижского музея человека для проведения археолого-этнографических разведок в районе Петсеримаа (б. Печорский уезд, который в 1930-е годы входил в состав Эстонии) [Белобровцева 2010; Громова 2009]. Отчеты, составленные Зуровым для Музея человека, свидетельствуют о стремлении писателя доказать, что данные места (непосредственно примыкавшие к малой родине писателя) издревле были заселены славянами, дополнить «долетописную историю кривичей, поднявшихся с юга по рекам, по древнему птичьему пути» [Зуров 1946а, л. 54]. Описывая курганы в романе «Поле», Зуров акцентирует единство исторических эпох: «Кругом жила прелесть, притяжение славянских мест, древнего, теплого, обжитого места. И память о давнем <…> оживала перед ним в цвете вод и песка, в очертаниях облаков, в блеске вод, остановивших путь пришедшего сюда человека» [Зуров 1983, с. 41–42]; древняя жизнь предков — «то теплое, родственное через века, связанное путем, кровью и очагами, перенесшее все и после долгих дорог открывшее огонь у воды на песчаном обрыве» [Зуров 1983, с. 44].

Мифологема поля в произведениях Зурова формируется благодаря разнообразным значениям, восходящим к фольклорной, древнерусской и литературной традициям. В романе «Древний путь», рисующем тревожную пору возвращения солдат с фронтов Первой мировой войны на разоренную революцией родную землю, поле предстает пустым (полым) и враждебным пространством: «Поле было унылое, солдаты продрогли и топтались» [Зуров 1985, с. 19]; «Паровоз <…> медленно уводил эшелон в поля» [Зуров 1985, с. 25]; «Дул ветер с холодного и пустого простора» [Зуров 1985, с. 116]. В романе «Поле» заглавный образ обозначает пашню, Зуров описывает процесс превращения крестьянином неосвоенной земли в плодородную ниву: «…он купил за деревней пятьдесят десятин подлесного луга <…> по-старинному раздолбал землю крюком, посеял ячмень, по ячменю тимофеевку, и, вот так проработав один пять лет, сделал из дикого луга пять пахотных десятин» [Зуров 1983, с. 55]. В повести «Иван-да-марья» актуализировано характерное для фольклора

метафорическое сопоставление пахоты и жатвы со сражением и смертью, а нивы — с полем битвы. «Метафора „жатва — смерть“ приводит к появлению в фольклоре образа поля, засеянного останками воинов» [Агапкина 2009, с. 135]. В повести Зурова солдаты сравниваются с колосьями: «Пехоту вели во весь рост, и немцы косили ее из пулеметов, как спелую рожь» [Зуров 2015, с. 266]; бойцы под огнем ложились в окопы, «перемешанные с ржаными спелыми колосьями, из которых стало легко высыпаться зерно» [Зуров 2015, с. 305–306]; в гроб Ивана денщик принес с поля ком земли, в которую попал «поломанный ржаной колос» [Зуров 2015, с. 313].

Образ поля метонимически связан с землей — одной из фундаментальных констант русской культуры. По отношению к земле на протяжении русской истории переплетались материально-языческая тенденция «утверждения» и спиритуалистически-христианская — «отрицания» [Богданова 2015]. В контексте философско-эстетических исканий Серебряного века этот образ-концепт наполнялся новыми значениями [Богданова 2013]. Характерное для той эпохи «богоискательство» отразило потребность интеллигенции «в близком Небе и в привечающей благодатной Земле» [Исупов 2001, с. 98]. Итогом этих исканий стало причудливое слияние мифологем разных культур: «образа Софии Премудрости Божией, осложненного немецкой мистической традицией в представлениях Соловьева и Бердяева, насыщенного специальными контекстами православной софиографии» [Исупов 2001, с. 98], и Богородицы, которая на русской почве ассоциировалась с «Матерью-землей». Данное восприятие концепта «земля» нашло отражение в творчестве многих писателей Серебряного века: А. А. Блока, Вяч. И. Иванова, Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, М. А. Зенкевича, М. М. Пришвина, И. А. Новикова и др. Кроме того, реабилитация «земли» и «живой жизни» была характерной тенденцией нового реализма и способом преодоления абстрактных символистских построений.

У Зурова «родная, вскормившая сердце материнская земля» [Зуров 1983, с. 25] — это лоно, рождающее все живое и принимающее его после завершения жизненного цикла: хлеб, «держащийся корнями во влажной земле, по-детски питается от ее соков» [Зуров, 1983, с. 25], а смертельно раненные воины, «лежа грудью на горячей земле, отдают ей свою кровь» [Зуров 1983, с. 86]. Здесь (как и в изображении битвы) человек отождествляется с растением, которое рождается в земле и, умирая, возвращается в нее.

Растительная символика весьма значима в художественном мире Зурова. Растение является символом вечно возрождающейся жизни. Несколько раз возникает в произведениях писателя образ умирающего дерева. В романе «Древний путь» офицера Назимова, вернувшегося в обреченное на гибель родное имение, поражает спокойствие умирающих под снегом яблонь — «почти молитвенное, хвалебное предстояние живых деревьев» [Зуров 1985, с. 123]. В романе «Поле» автор очеловечивает старую антоновку «с кривыми ветвями и женским изуродованным стволом» [Зуров 1983, с. 28], но ее гибель — это лишь медленное засыпание, в котором «не было смерти» [Зуров 1983, с. 28]. Деревья у Зурова «таинственно связаны с землей и небом» [Зуров 1983, с. 59], т. е. представляют собой образ мирового древа, символически соотносящегося со Вселенной.

В творчестве Зурова с растением нередко соотносится человек — что соответствует фольклорным представлениям, нашедшим отражение в Библии: «Дни человека, как трава, как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет

его, и место его уже не узнает его» (Пс. 102.15–17). Эти слова из псалма Давида становятся лейтмотивом повести «Иван-да-марья», где заглавный образ двухцветной травы является символом неумирающей любви главных героев — офицера Ивана Косицкого, погибшего на полях Первой мировой войны, и его жены Киры, сестры милосердия, застрелившейся у гроба мужа. О сине-желтом цветке иван-да-марья говорится: «Это цвет травный <…> У него один стебелек и как бы два огонька, два естества. Одно мужское, а другое, вон, женское, и предуказано им от Бога на одном стебле в два цвета вместе цвести» [Зуров 2015, с. 161].

Цветок иван-да-марья считался магической травой, связанной с обрядами и поверьями Иванова дня, а пара имен — мужского и женского — восходит к более древней паре Купала-да-Марья (Мара) [Иванов, Топоров 1974, с. 217–243] и отражает основной мифологический сюжет купальского цикла — брак солнца. Зуров был знаком с этим древним мифом, о чем свидетельствует его рапорт, составленный для Парижского музея человека, где про Иванов день говорится:

> «Он являлся кульминационным торжеством двух солнечных божеств (мужского и женского) <…>. Потом, после принятия христианства, поклонение солнцу, очищаясь от языческих воззрений, сосредоточилось на празднике св. Иоанну Предтече, и Иван Купала слился, отождествился с Иоанном Крестителем» [Зуров 1946b, л. 32].

С архаичным мифом связано первоначальное представление о цвете цветка. Рассказчик стремится узнать, какой цвет растения символизирует мужское начало, а какой — женское, выясняя, что мужской цвет — желтый (золотой), в фольклоре выступающий как признак солнца. Однако символика цвета в данном произведении Зурова восходит не только к фольклору, но и к эстетике младосимволизма, где золото и лазурь стали устойчивыми символами, унаследованными из византийской культуры и имеющими софиологическое значение [Ягжина 2016]. А. Белый писал: «Золото и лазурь — иконописные краски Софии <…> У Владимира Соловьева Она опускается с неба на землю, перенося свое золото и лазурь к нам, сюда…» [Белый 1995, с. 107]. Так в многозначном и полигенетичном образе-символе, созданном Зуровым, соединяются разнородные традиции национальной культуры.

Выводы

Творчество представителя младоэмиграции Леонида Зурова можно рассматривать в контексте литературы Серебряного века, а именно в контексте неореалистической эстетики. Наследуя реалистический метод отражения жизни, неореализм обогатил его новыми идеями и приемами, заимствованными из модернизма. Неореализму присущ «бытийно-бытовой» синтез, отразившийся на уровне поэтики в сочетании изобразительных и выразительных художественных средств. Для выражения бытийных проблем писатель прибегает к емким, полисемантичным художественным образам, которые воплощают масштабные архетипические понятия и одновременно имеют конкретные значения, соотносимые с разными сферами отечественной культуры. В образах, созданных Зуровым, нередко синтезируются традиции фольклора, древнерусской литературы и культуры Серебряного века. Примеры подобного взаимодействия в творчестве писателя должны стать предметом дальнейшего научного анализа.

Автор благодарит Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, а также Парижский национальный музей естествознания и лично Татьяну Бенфугаль за предоставленную возможность ознакомиться с архивными материалами.

Источники

Белый 1995 — Белый А. *Собрание сочинений:* В 9 т. Т. 4: Воспоминания о Блоке. Пискунов В. М. (ред.). М.: Республика, 1995. 510 с.

Зуров 1946a — Зуров Л. "Записка о произведенном обследовании древностей Печорского и Изборского края, о реставрации звонницы церкви Николы Ратного в Псково-Печерском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведки в 1935, 1937 и 1938 гг." (1946). *Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына*. Ф. 3: (Л. Ф. Зуров). Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 9. 54 л.

Зуров 1946b — Зуров Л. "О дохристианских пережитках и религиозных верованиях сетских и русских крестьян Печерского уезда". (1946). *Архив Museum national d'Histoire naturelle — MH ETHNO EUR.* 205 (11). 78 л.

Зуров 1983 — Зуров Л. *Поле*. Франкфурт: Посев, 1983. 150 с.

Зуров 1985 — Зуров Л. *Древний путь*. 2-е изд. Франкфурт: Посев, 1985. 150 с.

Зуров 1999 — Зуров Л. Ф. *Обитель: Повести, рассказы, очерки, воспоминания*. Стрижев А. Н. (сост.). М.: Паломникъ, 1999. 623 с.

Зуров 2015 — Зуров Л. *Иван-да-марья*. СПб.: Лимбус Пресс; Изд-во К. Тублина, 2015. 332 с.

Литература

Абишева 2005 — Абишева У. К. *Неореализм в русской литературе 1900–1910-х годов*. М.: МГУ, 2005. 285 с.

Агапкина 2009 — Агапкина Т. А. "Поле". *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. Толстой Н. И. (ред.). Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 133–137.

Белобровцева 2010 — Белобровцева И. З. "Л. Зуров и Эстония". *Русские в Прибалтике*. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 289–307.

Богданова 2013 — Богданова О. А. "Концепт «земля» в творческом сознании Ф. М. Достоевского и культурных деятелей Серебряного века (Д. С. Мережковского, А. А. Блока, Вяч. И. Иванова, Ф. Сологуба, А. Белого, Г. И. Чулкова)". *Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации: к 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского*. Тахо-Годи А. А. (ред.). М.: Водолей, 2013. С. 101–110.

Богданова 2015 — Богданова О. А. "Мотив «отрицания земли» в критике и прозе русских символистов". *«Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма*. Топорков А. Л. (ред.). М.: Индрик, 2015. С. 238–255.

Громова 2009 — Громова А. В. "Этнографическое наследие Л. Ф. Зурова". *Живая старина.* 61 (1), 2009: 46–49.

Давыдова 2006 — Давыдова Т. Т. *Русский неореализм: Идеология, поэтика, творческая эволюция (Е. Замятин, И. Шмелев, М. Пришвин, А. Платонов, М. Булгаков и др.)*. 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2006. 329 с.

Захарова 2012 — Захарова В. Т. "Жанр повести в прозе Л. Ф. Зурова: проблемы поэтики", "Жанр романа в наследии Л. Ф. Зурова", "Поэтика незавершенных произведений Л. Ф. Зурова". Громова А. В., Захарова В. Т. *Жизнь и творчество Л. Ф. Зурова*. М.: МГПУ, 2012. С. 61–130.

Иванов, Топоров 1974 — Иванов В. В., Топоров В. Н. *Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов*. М.: Наука, 1974. 342 с.

Иезуитова 2010 — Иезуитова Л. А. *Леонид Андреев и литература Серебряного века: Избранные труды*. Валиева Ю. М., Шишкина Л. И. (ред.). СПб.: Петрополис, 2010. 737 с.

Исупов 2001 — Исупов К. Г. "Философия и литература «серебряного века»: (сближения и перекрестки)". *Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов)*. Келдыш В. А. (ред.). Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 69–130.

Келдыш 2001 — Келдыш В. А. "Реализм и неореализм". *Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов)*. Келдыш В. А. (ред.). Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 259–335.

Лейдерман 1996 — Лейдерман Н. Л. "Космос и Хаос как метамодели мира: К характеристике классического и модернистского типов художественного сознания". *Русская литература XX века: направления и течения*. Вып. 3. Лейдерман Н. Л. (ред.). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. С. 4–12.

Слоним 2002 — Слоним М. Л. “Молодые писатели за рубежом”. *Критика русского зарубежья*: В 2 ч. Ч. 2. Коростелев О. А., Мельников Н. Г. (сост., преамбулы, примеч.). М.: Олимп; АСТ, 2002. С. 110–118.
Струве 1996 — Струве Г. П. *Русская литература в изгнании*. 3-е изд., испр. и доп. Париж; М.: YMCA-Press; Русский путь, 1996. 445 с.
Ягжина 2016 — Ягжина Ю. Е. “Мотив золота в повести Л. Ф. Зурова «Иван-да-марья»”. *Пушкинские чтения–2016: Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы XXI Междунар. науч. конф.* Скворцов В. Н. (ред.). СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 156–162.

Статья поступила в редакцию 16 января 2017 г.
Статья рекомендована в печать 7 июля 2017 г.

Gromova Alla Vital’evna

Moscow City University
4, 2nd Selskohoziaistvennyi proezd, Moscow, 129226, Russia
gromovaav@mail.ru

Works by L. F. Zurov as a neo-realism phenomenon (towards traditions of the Silver Age in literature of the Russian abroad)

For citation: Gromova A. V. Works by L. F. Zurov as a neo-realism phenomenon (towards traditions of the Silver Age in literature of the Russian abroad). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 1, pp. 31–40. https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.103

The article focuses on the works of the “young emigration” writer Leonid Zurov (1902–1971) in the context of traditions of the Russian Silver Age. The research is based on the analysis of the stories and novels *Cadet, An Ancient Way*, *Field, Blue Cow Wheat*, and some archival materials. Author concludes that in Zurov’s works there are features of neo-realism esthetics. Zurov’s model of the world is characterized by cosmism, unity of natural and social life, approval of the feasibility of existence. In the sphere of style there are the processes typical for neo-realism: lyricism in narration, weakening of fable connections, dissolution of genre border. Images tend to symbolization (e. g. floral and color symbols), at Zurov’s creativity there are through mythemes: ancient way, field, earth, sun, waters. The titles of the novels *An Ancient Way* and *Field* represent the mythemes which reflected the historical concept of Zurov who studied archeology and claimed that the northwest area of Russia had been populated with Slavs since ancient times. The field mytheme in Zurov’s works is allocated with the meanings which are going back to folklore, Old Russian and literary traditions. The floral symbols are connected with comparison of a person and a plant, e. g. killed soldiers on the battlefield are compared to the cut-off rye ears. The symbolism of blue and gold colors in the story *Blue Cow Wheat* also goes back to the Russian folklore, an Old Russian iconography and “young symbolism” aesthetics. These features indicate the enrichment of traditional realism means with the new modernist esthetics.

Keywords: L. F. Zurov, Russia abroad, traditions of Silver Age, neo-realism, Russian literature.

Text sources

Белый 1995 — Belyi A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: In 9 vols. Vol. 4: Vospominaniia o Bloke [Memories of Blok]. Piskunov V. M. (ed.). Moscow: Respublika Publ., 1995. 510 p. (In Russian)
Зуров 1946а — Zurov L. “Zapiska o proizvedennom obsledovanii drevnostei Pechorskogo i Izborskogo kraia, o restavratsii zvonnitsy tserkvi Nikoly Ratnogo v Pskovo-Pecherskom monastyre i o rezul’tatakh arkheologicheskoi i etnograficheskoi razvedki v 1935, 1937 i 1938 gg.” [A Note on the Survey of the Antiquities of the Pechory and Izborsk Region, the Restoration of the Belfry of the Church of St Nicholas Ratny in

the Pskov-Pechory Monastery and the Results of Archaeological and Ethnographic Exploration in 1935, 1937 and 1938]. (1946). *Arkhiv Doma russkogo zarubezh'ia im. A. Solzhenitsyna* [Archive of Alexander Solzhenitsyn Russia Abroad House]. F. 3: (L. F. Zurov). Op. 1. K. 1. Ed. khr. 9. 54 f. (In Russian)

Зуров 1946b — Zurov L. "O dokhristianskikh perezhitkakh i religioznykh verovaniiakh setskikh i russkikh krest'ian Pecherskogo uezda (1946)" [About Pre-Christian Relics and Religious Beliefs of Seto and Russian Peasants of Pechory District]. (1946)]. *Arkhiv Museum national d'Histoire naturelle (Paris) — MH ETHNO EUR* [Archive of National Museum of Natural History (Paris) — *MH ETHNO EUR*]. 205 (11). 78 f. (In Russian)

Зуров 1983 — Zurov L. *Pole* [Field]. Frankfurt: Posev Publ., 1983. 150 p. (In Russian)

Зуров 1985 — Zurov L. *Drevnii put'* [Ancient Path]. 2nd ed. Frankfurt: Posev Publ., 1985. 150 p. (In Russian)

Зуров 1999 — Zurov L. F. *Obitel': Povesti, rasskazy, ocherki, vospominaniia* [The Abode: Stories, Short Stories, Essays, Memoirs]. Strizhev A. N. (comp.). Moscow: Palomnik Publ., 1999. 623 p. (In Russian)

Зуров 2015 — Zurov L. *Ivan-da-mar'ia* [Blue Cow-wheat]. St. Petersburg: Limbus Press; K. Tublina Publ., 2015. 332 p. (In Russian)

References

Абишева 2005 — Abisheva U. K. *Neorealizm v russkoi literature 1900–1910-kh godov* [Neorealism in Russian Literature 1900–1910s]. Moscow: Moscow State Univ. Press, 2005. 285 p. (In Russian)

Агапкина 2009 — Agapkina T. A. "Pole" [Field]. *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar* [Slavic Antiques: Ethno-Linguistic Dictionary]. Tolstoy N. I. (ed.). Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2009. P. 133–137. (In Russian)

Белобровцева 2010 — Belobrovtseva I. Z. "L. Zurov i Estoniia" [Zurov and Estonia]. *Russkie v Pribaltike* [Russian in Baltic States]. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 2010. P. 289–307. (In Russian)

Богданова 2013 — Bogdanova O. A. "Kontsept «zemlia» v tvorcheskom soznanii F. M. Dostoevskogo i kul'turnykh deiatelei Serebrianogo veka (D. S. Merezhkovskogo, A. A. Bloka, Viach. I. Ivanova, F. Sologuba, A. Belogo, G. I. Chulkova)" [The Concept "Earth" in the Creative Mind of F. M. Dostoevsky and Cultural Figures of the Silver Age (D. S. Merezhkovsky, A. A. Blok, V. I. Ivanov, F. Sologub, A. Bely, G. I. Culkov)]. *F. M. Dostoevskii i kul'tura Serebrianogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii: K 190-letiiu so dnia rozhdeniia i k 130-letiiu so dnia smerti F. M. Dostoevskogo* [F. M. Dostoevsky and Culture of the Silver Age: Traditions, Interpretations, Transformations: To the 190th Anniversary of the Birth and to the 130th Anniversary of the Death of F. M. Dostoyevsky]. Takho-Godi A. A. (ed.). Moscow: Vodolei Publ., 2013. P. 101–110. (In Russian)

Богданова 2015 — Bogdanova O. A. "Motiv «otritsaniia zemli» v kritike i proze russkikh simvolistov" [The Motive of the "Neglecting the Earth" in the critics and prose by the Russian symbolists]. *«Vechnye» siuzhety i obrazy v literature i iskusstve russkogo modernizma* ["The Eternal" Plots and Images in Literature and Arts of the Russian Modernism]. Toporkov A. L. (ed.). Moscow: Indrik Publ., 2015. P. 238–255. (In Russian)

Громова 2009 — Gromova A. V. "Etnograficheskoe nasledie L. F. Zurova" [Ethnographic Heritage of L. F. Zurov]. *Zhivaya starina* [Alive Antiquity]. 61 (1), 2009: 46–49. (In Russian)

Давыдова 2006 — Davydova T. T. *Russkii neorealizm: Ideologiia, poetika, tvorcheskaia evoliutsiia (E. Zamiatin, I. Shmelev, M. Prishvin, A. Platonov, M. Bulgakov i dr.)* [Russian neorealism: Ideology, Poetics, Evolution (E. Zamiatin, I. Shmelev, M. Prishvin, A. Platonov, M. Bulgakov and others)]. 2nd ed. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 2006. 329 p. (In Russian)

Захарова 2012 — Zakharova V. T. "Zhanr povesti v proze L. F. Zurova: problemy poetiki"; "Zhanr romana v nasledii L. F. Zurova"; "Poetika nezavershennykh proizvedenii L. F. Zurova" [The Genre of Short Stories in the Prose of L. F. Zurov: problems of poetics; The Genre of the Novel in the Legacy of L. F. Zurov; Poetics of Unfinished Works of L. F. Zurov]. Gromova A. V., Zakharova V. T. *Zhizn' i tvorchestvo L. F. Zurova* [Life and Work of L. F. Zurov]. Moscow: Moscow State Pedagogical Univ. Publ., 2012. P. 61–130. (In Russian)

Иванов, Топоров 1974 — Ivanov V. V., Toporov V. N. *Issledovaniia v oblasti slavianskikh drevnostei: Leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov* [Studies of the Slavic Antiques: Lexical and Phraseological Issues of Text Reconstruction]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 342 p. (In Russian)

Иезуитова 2010 — Iezuitova L. A. *Leonid Andreev i literatura Serebrianogo veka: Izbrannye trudy* [Leonid Andreev and Literature of the Silver Age: Selected Work]. Valieva Iu. M., Shishkina L. I. (eds.). St. Petersburg: Petropolis Publ., 2010. 737 p. (In Russian)

Исупов 2001 — Isupov K. G. "Filosofiia i literatura «serebrianogo veka»: (sblizheniia i perekrestki)" [Philosophy and Literature of the Silver Age: (Connections and Crossings)]. *Russkaia literatura rubezha vekov (1890-e — nachalo 1920-kh godov)* [Russian Literature at the Turn of the Century (1890s — early 1920s)].

Keldysh V. A. (ed.). Book 1. Moscow: Institute of World Literature of the RAS Press; Nasledie Publ., 2001. P. 69–130. (In Russian)

Келдыш 2001 — Keldysh V. A. "Realizm i neorealism" [Realism and Neorealism]. *Russkaia literatura rubezha vekov (1890-e — nachalo 1920-kh godov)* [Russian Literature at the Turn of the Century (1890s — early 1920s)]. Keldysh V. A. (ed.). Book 1. Moscow: Institute of World Literature of the RAS Press; Nasledie Publ., 2001. P. 259–335. (In Russian)

Лейдерман 1996 — Leiderman N. L. "Kosmos i Khaos kak metamodeli mira: K kharakteristike klassicheskogo i modernistskogo tipov khudozhestvennogo soznaniia" [Cosmos and Chaos as Metamodels of the World: towards Characteristics of Classic and Modern Types of the Imagery Consciousness]. *Russkaia literatura XX veka: napravleniia i techeniia* [Russian Literature of the 20th Century: Areas and Movements]. Issue 3. Leiderman N. L. (ed.). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical Univ. Publ., 1996. P. 4–12. (In Russian)

Слоним 2002 — Slonim M. L. "Molodye pisateli za rubezhom" [Young Writers Abroad]. *Kritika russkogo zarubezh'ia* [Critics of the Russian Émigré]: In 2 parts. Part 2. Korostelev O. A., Mel'nikov N. G. (comp., introd., comment.). Moscow: Olimp Publ.; AST Publ., 2002. P. 110–118. (In Russian)

Струве 1996 — Struve G. P. *Russkaia literatura v izgnanii* [Russian Literature in Exile]. 3th ed., corr. and compl. Paris; Moscow: YMCA-Press; Russkii put' Publ., 1996. 448 p. (In Russian)

Ягжина 2016 — Iagzhina I. E. "Motiv zolota v povesti L. F. Zurova «Ivan-da-mar'ia»" [The Motive of Gold in the Short Story by L. F. Zurov "Blue Cow Wheat"]. *Pushkinskie chteniia–2016: Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi literatury: zhanr, avtor, tekst: Materialy XXI Mezhdunar. nauch. konf.* [Pushkin Readings–2016: Literary Strategies of the Classic and New Literature: Genre, Author, Text: XXI Conference Proceedings]. Skvortsov V. N. (ed.). St. Petersburg: Pushkin Leningrad State Univ. Publ., 2016. P. 156–162. (In Russian)